
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УДК 914/919

ОЦЕНКА РИСКОВ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНОВ ВЕНЕСУЭЛЫ

© 2019 г. В. С. Скачков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия
e-mail: cccp271994@mail.ru*

Предпринимается попытка оценки рисков пространственной дезинтеграции регионов на примере Венесуэлы. Предложена авторская экспертная оценка роли и механизма действия каждого из факторов дезинтеграции. В поле исследования автор включает следующие факторы дезинтеграции: исторический (опыт дезинтеграции региона в прошлом), социально-экономический (территориальные диспропорции показателей развития человеческого потенциала), внутривнутриполитический (особенности электоральной географии государства), этнокультурный (различия расовой композиции населения по штатам), транспортный (уровень транспортной связности штата с соседними штатами), военно-стратегический (размещение крупных воинских соединений и предприятий оборонного сектора) и внешнеполитический (влияние соседних государств на приграничные территории). В результате проведенного анализа устанавливается, что для четырех штатов Венесуэлы (Амасонас, Боливар, Сулия и Тачира) свойственны высокие риски дезинтеграции ввиду комбинации сразу нескольких факторов, выступающих в тесной связи между собой. В итоге автор делает вывод, что дезинтеграция на западе страны, в штатах Сулия и Тачира, кардинально отличается от дезинтеграции штатов Амасонас и Боливар, как по набору факторов, так и по их проявлению.

Ключевые слова: пространственная дезинтеграция, Венесуэла, кризис, сецессия, политическая нестабильность, Латинская Америка.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-4-7

Введение и постановка проблемы.

На сегодняшний день процессы дезинтеграции оказались в фокусе сразу нескольких научных дисциплин: экономики, политологии, социологии, политической географии и др.

Зачастую, кажущаяся простота понятия «дезинтеграция» позволяет исследователям не утруждать себя его глубоким раскрытием. Однако, при анализе работ, где дана авторская трактовка дезинтеграции, можно выделить ее существенные признаки, несмотря на употребление в рамках дискурсов различных дисциплин.

Так, политико-географы В.Н. Каледин и Н.В. Каледин под дезинтеграцией понимают процессы, ведущие к распаду, деградации и трансформации в единой системе, а экономисты М.С. Бедакова и И.Л. Растопчинова

трактуют дезинтеграцию как распад, разделение на части целостной структуры, ослабление и нарушение связей в единой системе [3, 9]. Экономико-географ П.Я. Бакланов задает в определении пространственный аспект: «дезинтеграционные процессы – это разобщение связности на региональном, межрегиональном и межгосударственном уровне» [2]. Наконец, другой экономико-географ, М.Д. Горячко понимает дезинтеграционные процессы как «процессы, увеличивающие неоднородности и приводящие к вымыванию наиболее слабых элементов и разрушению системообразующих связей» [6].

Как можно заметить, в общественной географии дезинтеграцией считается нарушение и деструкция связей внутри каких-либо территориальных систем. Учитывая спец-

ифику настоящей работы, автор под пространственной дезинтеграцией подразумевает нарушение экономических, политических и транспортных связей некоторого ареала с другими территориями государства (в том числе и со столицей). Дезинтеграция – процесс, при своем дальнейшем углублении способный привести к сепаратизму и сецессии, как крайним формам своего проявления.

Обзор ранее проведенных исследований. В случае пространственной дезинтеграции возникает ситуация, когда территориальная целостность государства еще не ставится под сомнение, однако экономическое, политическое и этнокультурное пространства страны начинают дробиться и фрагментироваться. К ключевым работам, посвященных дроблению и обособлению государственного пространства следует отнести исследования Ф.А. Попова «География сецессионизма в современном мире» [12] и Д.В. Зайца «Территориальные конфликты на современной политической карте мира: очаги и риски сепаратизма» [8], а также работу Т.Г. Гамаева «Этнополитический сепаратизм как угроза национальной безопасности России» [5]. Нельзя не упомянуть статью В.А. Колосова и А.Б. Себенцова «Феномен неконтролируемых территорий в современном мире», в которой зоны дезинтеграции анализируются через призму видов контроля, а также представлена эволюция неконтролируемых территорий от безгосударственных территорий до государств де-факто [13].

Материалы и методика исследования. На основе уже имеющихся подходов к разработке системы факторов сепаратизма и сецессионизма можно выделить следующие факторы пространственной дезинтеграции.

1. *Исторический* – наличие у региона опыта сецессии или дезинтеграции в прошлом. Данный фактор включает в себя такие показатели, как продолжительность срока дезинтеграции и повторность попыток сецессии.

2. *Социально-экономический*, понимаемый как неравномерное развитие человеческого потенциала в отдельных регионах государства. Оценка неравенства производится на основе данных индекса человеческого развития (ИЧР).

3. *Внутриполитический* – отклонение электоральных предпочтений населения,

проживающих на определенной территории от усредненных показателей по стране. Данный фактор определяется как разница долей голосов, поданных за правящие и оппозиционные движения в течение нескольких последних избирательных циклов.

4. *Этнокультурный* – доля населения, относящегося к наиболее многочисленной (титальной) этнической или культурной общности. Для стран, где современный титульный этнос имеет полиэтническое (мультирасовое) происхождение, исследуются вопросы этнической (расовой) композиции. Оценка этого фактора базируется на социологических опросах, основанных на идентичности населения или на данных переписей населения.

5. *Транспортный* – затрудненность устойчивого всепогодного транспортного сообщения с соседними регионами. Влияние данного фактора устанавливается с помощью анализа показателей средней плотности транспортной сети, характеристики транспортно-географического положения региона.

6. *Военно-стратегический* – неравномерность пространственного распределения воинских подразделений, обеспечивающих оборону государства, важнейших объектов военной инфраструктуры и крупных предприятий военно-промышленного комплекса, занимающихся созданием и разработкой военной техники и технологий.

7. *Внешнеполитический* – формирование оппозиционных настроений у населения под влиянием разных видов воздействий извне (финансовых, силовых, связанных с процессами формирования черного рынка) со стороны зарубежных стран.

В рамках данного исследования выдвигается гипотеза, что регион, в котором действие факторов дезинтеграции проявляется в наибольшей степени, будет иметь более высокий риск дезинтеграции (возможно, вплоть до попыток сецессии).

Государства, которые сохраняют суверенитет лишь формально, а на самом деле испытывают сильнейшие внутренние дезинтеграционные процессы (которые носят не локальный, точечный, а всеобщий, массовый характер), именуют «несостоявшимися государствами» (failed state) [11]. Начиная с 2005 г. американская научная организация «Фонд за мир» (Fund for Peace) регулярно составляет и публикует «Рейтинг несосто-

тельности государств», который наглядно отражает дезинтеграционные тенденции во всех странах мира [16].

Примечательно, что согласно данному исследованию, в 2018 г. дезинтеграционные процессы существенно усилились в Латинской Америке: из 10 государств, сильнее всего ухудшивших свою внутреннюю связность по сравнению с 2017 г., 4 располагаются в изучаемом регионе. Лидером в данном отрицательном тренде стала Венесуэла, прибавившая за год 3,1 пункта и занявшая 32-ю позицию среди мирового рейтинга по абсолютному показателю [16]. Причины этого – политический кризис, который привел к установлению фактического двоевластия в стране. Внутренняя нестабильность политической системы преследует Венесуэлу в результате снижения мировых цен на нефть. Это привело к резкому сокращению «нефтяных» доходов, и как следствие – к социально-экономическим и политическим потрясениям, принявшим особо острую фазу с приходом к власти Николаса Мадуро.

Подобные дезинтеграционные тренды как регионального масштаба, так и внутригосударственного не могут не привлекать внимание исследователей разной научной специализации. Актуальность подобных работ заключается в установлении причин таких центробежных тенденций и попыток прогноза последствий дезинтеграции. В конечном счете «несостоявшееся государство» создает проблемы не только для себя и ближайших соседей (посредством массовой миграции, расцвета контрабанды и черного рынка, появления преступных группировок), но, зачастую, и для всего мирового сообщества. Яркими примерами могут послужить полярные взгляды на проблемы Косово, народных республик востока Украины, Приднестровья и др., которые влекут за собой геополитическое и геоэкономическое противостояние между различными силами.

Научная новизна работы заключается в более глубоком, комплексном анализе показателей штатов Венесуэлы, попытках охватить все важнейшие сферы жизнедеятельности государства посредством выработки и апробации новой методики оценки уровня дезинтеграции в стране.

Характеризуя административно-территориальные единицы первого порядка (штаты) Венесуэлы через призму *исторического*

фактора, следует отметить, что опыт дезинтеграции в прошлом имеют, как минимум, 6 регионов, сконцентрированных в центре и на западе страны. Прежде всего, это штаты Карабобо и Фалькон, ставшие оплотом повстанцев в Мартовской революции (1858 г.) и последующей Федеральной войне (1859 г.) [1]. Очаги возникновения восстаний также присутствовали в штате Гуарико (движение Хоакина Креспо в 1892 г., которое привело к Легалистской революции). Если говорить о последнем затяжном военном конфликте на территории Венесуэлы, то он произошел на рубеже XIX и XX веков и был вызван борьбой за власть между либералами и консерваторами, опирающихся на армию и крестьянство. Первоначально восставшим регионом был штат Тачира (отсюда начал свою военную кампанию будущий президент Сиприан Кастро), а уже после переворота и захвата власти восстал штат Лара, в котором собирали войска Рафаэль Монтилья и Лусиано Мендоса, недовольные новым президентом и его политикой [1]. В рамках исследования придается значение лишь регионам, которые стали первоначальными «ареалами сопротивления», а не переняли этот опыт в ходе военных конфликтов у соседних территорий. Из более современных примеров – призывы в «верхних эшелонах» региональной власти к автономии штата Сулия в 2006 г. [21].

Переходя к характеристике регионов по *социально-экономическому фактору*, следует отметить компактность размещения штатов-лидеров и штатов-аутсайдеров. К административным единицам, чьи социально-экономические показатели существенно выше средних по стране и значительно выше, чем у остальных регионов, можно отнести ряд штатов, окружающих Федеральный округ, это Миранда, Арагуа, Карабобо, Варгас, а также саму столицу. В 2017 г. при среднем показателе Индекса человеческого развития (ИЧР) 0,761, штаты-лидеры обладали его значениями в пределах от 0,781 до 0,806. Причинами подобного социально-экономического отрыва можно считать лучшую освоенность территории, концентрацию крупных промышленных предприятий, транспортной инфраструктуры, высокую урбанизацию и др.

Штаты с наихудшими показателями социально-экономического развития располагаются поблизости от штатов-лидеров (рис. 1).

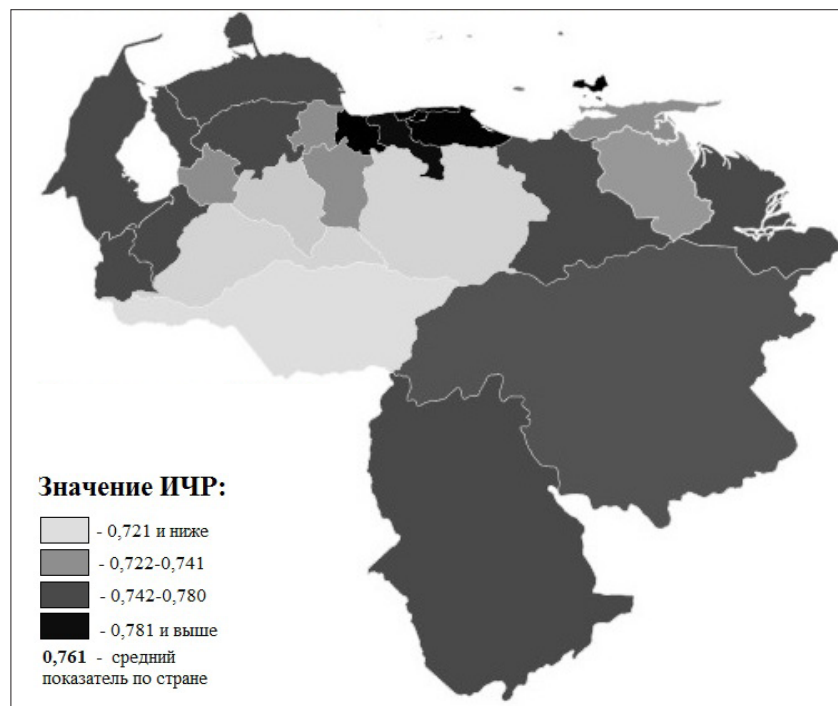

Рис. 1. Уровень Индекса человеческого развития по регионам Венесуэлы.
Составлено автором на основе данных: [17].

Наименьшие значения ИЧР, а также отставание от среднестрановых темпов роста экономики сильнее всего проявили штаты Апуре, Бариньяс, Португеса и Гуарико (последний граничит сразу с тремя штатами-лидерами). ИЧР в этих административных единицах составил от 0,685 (Апуре) до 0,721 (Гуарико).

Причины подобной отсталости, скорее всего, следует искать в отсутствии крупных нефтяных месторождений (в Гуарико и Бариньясе планируются построить НПЗ, однако ввиду экономического кризиса проекты заморожены) [18], преобладании хозяйства с низкой добавленной стоимостью: животноводства, экстенсивного растениеводства, пищевой и текстильной промышленности, а также низком уровне урбанизации. Ситуация в Апуре имеет еще одну важную причину экономического отставания – это деятельность партизан и «парамилитарес» в амазонской сельве, которые приводят к военным столкновениям, и как следствие – к человеческим жертвам, росту преступности, оттоку инвестиций и снижению показателей развития [19].

В условиях современного этапа внутриполитической нестабильности в Венесуэле

анализ рисков дезинтеграции по внутриполитическому фактору затруднен. Однако, если не учитывать последние президентские выборы 2018 г. (мнения о легитимности избрания Н. Мадуро до сих пор разнятся: государства, которые признали выборы действительными, находятся в меньшинстве по сравнению со странами, настаивающих на повторных выборах), можно выделить отдельные элементы электоральной панорамы (табл. 1) [15].

Анализируя данные двух последних парламентских и трех президентских кампаний, можно проследить устойчивость политических пристрастий населения следующих территорий:

– либеральные силы побеждают в штатах Мерида и Тачира (4 последних избирательных кампании), Ансоатеги, Миранда, Сулия (3 последние кампании);

– социалистические, провластные силы уверенно превосходят иные политические движения в штатах Португеса и Кохедес (5 кампаний), Дельта Амакуро и Апуре (4 кампании), Гуарико (3 кампании).

Несмотря на разворот в электоральных предпочтениях населения в сторону либе-

Таблица 1. Результаты голосований на президентских и парламентских выборах в Венесуэле (2006–2015 гг.) по штатам, %

Штаты	Президентские		Парламентские		Президентские		Парламентские		Президентские		Парламентские	
	Чавес (PSUV)	Росалес (UNT, далее MUD)	PSUV	MUD	Чавес (PSUV)	Каприлес (MUD)	Каприлес (MUD)	Мадуро (PSUV)	Каприлес (MUD)	PSUV (в сост. GPP)	MUD	
Амасонас	78	22	42,02	14,17	53,61	45,45	47,41	52,45	47,41	46,49	49,81	
Ансоатеги	61,28	38,45	44,93	52,24	51,58	47,65	52,45	47,32	52,45	37,91	59,34	
Апуре	69,76	30,05	60,14	36,89	66,09	33,2	38,09	61,76	38,09	53	44,79	
Арагуа	71,85	27,87	50,27	46,52	58,61	40,77	45,6	54,05	45,6	43,27	54,07	
Баринас	68,95	30,83	56,36	42,17	59,23	40,15	47,68	52,18	47,68	42,59	55,68	
Боливар	68,57	31,12	50,31	47,69	53,73	45,46	51,83	47,87	51,83	37,3	59,57	
Карабобо	61,73	38,01	43,04	53,66	54,49	44,88	49,24	50,51	49,24	39,91	58,57	
Кохедес	73,36	26,4	63,89	32,57	65,31	33,94	38,65	61,16	38,65	52,5	46,39	
Дельта-Амакуро	78,02	21,76	68,7	25,15	66,84	32,23	38,15	61,63	38,15	58,55	36,2	
Фед. Округ	62,74	36,92	47,73	47,8	54,85	44,52	48,19	51,32	48,19	57,23	39,79	
Фалькон	62,31	37,44	52,21	46,25	59,87	39,45	46,76	53,03	46,76	42,1	54,14	
Гуарико	71,95	27,84	58,27	29,21	64,31	34,97	40,55	59,28	40,55	50,33	48,35	
Лара	66,47	33,2	40,77	30,11	51,45	47,75	52,02	47,71	52,02	42,15	54,67	
Мерида	53,78	45,98	48,7	50,04	51,09	48,45	56,94	42,88	56,94	32,89	63,33	
Миранда	56,74	43,01	41,44	57,12	49,96	49,52	52,3	47,29	52,3	38,45	58,96	
Монагас	70,94	28,88	58,68	35,39	58,35	40,94	44,33	55,46	44,33	45,56	51,55	
Нуэва-Эспарта	58,59	41,18	40,87	57,92	51,02	48,45	52,94	46,9	52,94	37,62	60,89	
Португеса	77,06	22,65	63,05	32,22	70,89	28,33	34,25	65,45	34,25	53,72	43,96	
Сукре	73,71	26,09	51,26	47,51	60,23	39,21	42,38	57,48	42,38	47,66	49,04	
Тачира	51,13	48,6	42,09	56,45	43,29	56,24	62,87	36,97	62,87	29,23	65,55	
Трухильо	69,46	30,32	62,69	35,27	64,1	35,4	39,99	59,78	39,99	46,25	49,48	
Варгас	69,35	30,36	54,82	43,31	61,47	37,86	42,49	57,08	42,49	44,78	52,27	
Яракуй	65,17	34,51	56,56	40,39	59,99	39,32	43,23	56,53	43,23	50,71	48,09	
Сулия	51,38	48,45	44,42	54,82	53,34	46,27	52,13	47,68	52,13	36,3	60,24	
Венесуэла	62,84	36,9	47,02	46,89	55,07	44,31	49,12	50,61	49,12	40,92	56,21	

Составлено автором на основе данных: [15].

ральных политических движений (об этом свидетельствуют результаты парламентских выборов в 2015 г.), штаты второй группы выпадают из этого тренда и до сих пор остаются электоральным оплотом действующей власти. Причины подобных устойчивых предпочтений можно связать с экономическим развитием: штаты социалистической ориентации отстают по показателям ИЧР, из общего ряда выбивается лишь малонаселенный штат Дельта Амакуро. Блок либерально ориентированных штатов сложен преимущественно из хорошо освоенных в хозяйственном плане территорий с высокой плотностью населения и несколькими крупными городами [15].

Географическое положение регионов со столь полярными политическими пристрастиями несет в себе определенные риски дезинтеграции: группа штатов с провластными ориентациями избирателей «разрывает» либеральный пояс (Мерида, Тачира, Сулия – на западе, Миранда и Ансоатеги – к востоку от центра). Подобное дробление политического пространства без «буферной зоны» в виде штатов с неопределенной политической позицией чревато конфликтами, в частности насильственными.

В отношении *этнокультурного фактора* дезинтеграции необходимо сделать некоторые уточнения методического и исторического характера. Несмотря на то, что латиноамериканская культура является синтезом европейских, негритянских и индейских элементов, расовая сегрегация в том или ином виде присутствовала в регионе всегда. Даже в современности в социальной иерархии доминируют бланкос – потомки испанцев со слабым смешиванием с другими расами. Бланкос выделяют не только по крови, но и по роду занятий, а также по брачным связям. Некоторые из исследователей отмечают, что наличие даже дальних родственников европейского происхождения могут выступить в качестве социального лифта [10]. Зачастую данные опросов противоречат генетическим исследованиям, поэтому в данной работе за основу будет взята самоидентификация населения.

В Венесуэле преобладают метисы (потомки межрасовых браков), 51,6% населения страны относится к данной группе. В то же время здесь относительно велика доля белого населения – 43,6%. Население

африканского и индейского происхождения суммарно составляет немногим более 5% и не представляет большинства ни в одном из штатов (табл. 2).

Высокие риски дезинтеграции по этнокультурному фактору, прежде всего, имеют «белые» штаты Мерида (53,7% населения составляют бланкос) и Тачира (58,8%), а также Федеральный округ (51,2%), поскольку данные территории одни из немногих, в структуре населения которых преобладают бланкос, а не метисы [14]. Примечательно, что именно Мерида и Тачира, являясь наиболее «белыми» штатами, одновременно являются и самыми либеральными в плане политических пристрастий. Отдельно следует указать сосредоточения индейского населения: даже несмотря на отсутствие территорий с преобладанием коренных американцев, выделяются штаты Дельта Амакуро с 25% индейцев всей Венесуэлы и Сулия с 12%. Так как Сулия – самый многонаселенный штат страны, то на него приходится свыше половины всех индейцев Венесуэлы (442 тыс. из 724 тыс.) [14].

В исследовании В.О. Дубовика приведен анализ транспортной системы Венесуэлы и обнажены сильные контрасты развития различных территорий изучаемой страны: отчетливо виден хорошо освоенный запад страны и Карибское побережье, в то время как внутриконтинентальные равнины, расположенные в пределах Льянос, плохо сообщаются с другими регионами. Используя полученные данные, можно установить, что наибольшими рисками дезинтеграции *по транспортному фактору* обладают штаты Амасонас и Боливар [7]. Они имеют связи с соседними регионами преимущественно с помощью речного флота и авиации, сухопутное транспортное освоение затруднено природными условиями. Единственная крупная автомобильная дорога огибает Гвианское плоскогорье и соединяет Пуэрто-Аякучо и Сьюдад-Боливар. Эта транспортная артерия проходит в штате Боливар вдоль границы с Ансоатеги, Гуарико и Апуре, а затем заканчивается на северо-западе штата Амасонас. Важно отметить, что значительные участки территории этих штатов отведены под особо охраняемые природные территории (национальные парки Хауа-Сарисариньяма и Канайма).

Таблица 2. Расовая композиция венесуэльцев по штатам, %

Штат	Метисы	Бланкос	Негро	Иные
Венесуэла	51,6	43,6	2,8	0,7
Амасонас	48,1	44,7	3,8	1,8
Ансоатеги	54,9	40,0	3,5	0,4
Апуре	63,5	30,2	5,3	0,2
Арагуа	51,9	43,4	2,4	1,2
Бариньяс	54,1	41,9	2,4	0,2
Боливар	55,1	39,2	3,7	0,4
Карабобо	53,0	42,7	2,5	1,0
Кохедес	59,2	35,6	3,8	0,4
Дельта-Амакуро	54,8	36,5	6,2	0,8
Варгас	51,7	42,9	3,6	0,8
Фед. округ	44,3	51,2	2,3	1,0
Фалькон	55,7	38,9	4,1	0,7
Гуарико	60,4	32,8	5,5	0,3
Лара	54,8	41,9	2,0	0,3
Мерида	42,5	53,7	0,8	0,3
Миранда	48,0	45,8	3,6	1,6
Монагас	54,8	38,8	3,8	0,8
Нуэва-Эспарта	49,1	47,1	2,0	0,5
Португеса	58,4	37,0	3,3	0,2
Сукре	54,7	38,5	4,4	0,5
Тачира	38,6	58,8	0,6	0,2
Трухильо	49,6	48,3	1,1	0,2
Яракуй	58,4	35,5	4,0	0,9
Сулия	50,3	46,3	2,3	0,5
Фед. зависимые территории	60,6	34,4	3,3	0,8

Составлено автором на основе данных: [14].

Система трубопроводов повторяет рисунок пассажирской транспортной сети, концентрируясь на западе и протягиваясь с юго-запада на север и северо-восток в сторону крупных морских терминалов. Перспективные проекты магистральных нефтепроводов потеряли на время свою актуальность из-за социально-гуманитарной катастрофы в Венесуэле.

Военно-стратегический фактор, безусловно, оказывает влияние на дезинтеграцию пространства страны. Присутствие военного контингента, в соответствии с гипотезой автора, обеспечивает на местах стабильность правящему политическому режиму и преуменьшает фактическую пространственную дезинтеграцию региона. Исходя из имеющихся данных о распределении сухопутных войск, военных аэродромов и военно-морских баз в Венесуэле, можно сделать следующие выводы:

- область маневров военно-морского флота ограничена побережьем госу-

дарства, а также судоходным участком реки Ориноко (примерно до города Сьюдад-Боливар), поэтому правительством лучше контролируются прибрежные штаты;

- сухопутные войска размещены более равномерно по территории государства, однако расположены ближе к крупным городам;
- военные аэродромы присутствуют в большинстве штатов, их отсутствие в Трухильо, Португесе, Мериде и Кохедесе компенсируется близостью крупных аэродромов в соседних штатах, отсутствие военно-воздушных соединений в Дельта Амакуро, а также сильная территориальная удаленность аэродромов в штатах Боливар и Амасонас вызывает опасения за контроль территории в данных регионах.

Следовательно, наиболее уязвимыми в случае актов насильственной дезинтегра-

ции и сепаратизма будут внутренние штаты, не выходящие к океану, с разреженной сетью военных соединений. Это большая часть территории штатов Боливар и Амасонас.

Анализируя *внешнеполитический фактор*, нельзя не отметить, что в венесуэльском сюжете сообщество латиноамериканских стран и США играют определенную роль в эскалации конфликта. Принимая во внимание, что практически все государства, которые граничат с Венесуэлой, поддерживают оппозиционера Гуайдо, есть основания полагать, что дезинтеграции по данному фактору будут подвержены приграничные штаты. Особенно актуально это для тех территорий, которые можно отнести к хорошо освоенным и имеющим транспортные магистрали, ведущие в соседние государства.

Несмотря на то, что к государственной границе выходят 5 штатов (Сулия, Тачира, Апуре, Амасонас, Боливар), некоторые из них имеют разреженную транспортную сеть, а значительные площади заняты национальными парками, где хозяйственная деятельность не ведется (Амасонас и Боливар). В крупнейших по площади штатах плотность населения составляет 1,1 чел./км² (Амасонас), 7,4 чел./км² (Боливар) и 7,8 чел./км² (Апуре), что в несколько раз ниже средних показателей для государства, и сильно ниже показателей других приграничных штатов (в Сулия плотность составляет 67,8 чел./км², Тачира – 278,6 чел./км²). С другой стороны, транспортная сеть должна быть тесно связана с приграничной страной (что наблюдается лишь в штатах Тачира и Сулия). Таким

образом, регионами, которые в полной мере могут обладать рисками дезинтеграции по внешнеполитическому фактору являются штаты Тачира и Сулия [20, 22].

Необходимо отметить, что в контексте данного исследования затруднительно полностью отделить один фактор от другого: зачастую они очень тесно взаимодействуют. Социально-экономический фактор взаимосвязан с внутривнутриполитическим: чем выше уровень жизни населения, тем меньше голосуют за правящую партию, и больше – за оппозицию. С другой стороны, внутривнутриполитический фактор может обуславливаться этнокультурными особенностями: как уже было сказано ранее, население штатов с повышенной долей бланкос чаще выбирают либеральных кандидатов. Нельзя не отметить зависимость военно-стратегического фактора от уровня развития транспортной инфраструктуры: штаты со слабой и деградирующей транспортной сетью, как правило, слабее контролируются военным контингентом, а армия – ограничена в маневрах.

Результаты исследования. В итоге проведенного анализа территориальной композиции рисков дезинтеграции в Венесуэле выявлены группы штатов, наиболее уязвимых по тому или иному фактору дезинтеграции (табл. 3).

Логика ранжирования по факторам такова: высший, средний и низкий уровни риска присваивались на основе сравнительной характеристики штатов по показателям, лежащим в основе каждого фактора. Высо-

Таблица 3. Штаты Венесуэлы, имеющие риски дезинтеграции по отдельным факторам в середине 2010-х гг.

Фактор \ Уровень	Высокий	Средний	Низкий
Исторический	Сулия Тачира	–	Карабобо Фалькон Гуарико Лара
Социально-экономический	Карабобо Арагуа Миранда	Варгас Федеральный округ	Апуре Бариньяс Гуарико Португеса
Внутриполитический	Тачира	Сулия Мерида	Миранда Ансоатеги
Этнокультурный	Тачира	Мерида	Федеральный округ
Транспортный	Амасонас	Боливар	–
Военно-стратегический	Амасонас	Боливар	–
Внешнеполитический	Тачира Сулия	Апуре	Амасонас Боливар

кий уровень, как правило, определялся для штата (штатов) с рекордной величиной отклонения, средний и низкий уровень – при наличии отклонения, допускающего потенциальные риски дезинтеграции, но не являющегося рекордным.

Исторический фактор. Сулия и Тачира поднимали вопрос об автономии в начале XXI века (2006–2008 гг., а Тачира испытывала дезинтеграцию еще и в начале прошлого века), в то время как остальные штаты имеют опыт дезинтеграции исключительно в позапрошлом веке.

Социально-экономический фактор. Карабобо, Арагуа и Миранда имеют наибольший риск дезинтеграции ввиду того, что соседствуют с регионами, испытывающими сильное отставание в развитии хозяйства и социальной сферы (перепад ИЧР составляет несколько десятков пунктов). В это же время штат Варгас и Федеральный округ окружены исключительно благополучными лидерами, а в случае Каракаса, дезинтеграция осложняется выполнением им столичных функций. Группу низкоранговых потенциальных «дезинтегрантов» составляют бедные штаты, не имеющих выхода к морю.

Внутриполитический фактор. Тачира является безоговорочным лидером, поскольку даже в эпоху правления Уго Чавеса, его преимущество на выборах в 2006 г. составило всего 3%. В последующее время оппозиция всегда побеждала, и отрыв по результатам различных избирательных кампаний только нарастал. По схожей логике распределены и остальные штаты: на президентских выборах здесь побеждают кандидаты от социалистической партии, но с минимальным перевесом, на парламентских – проигрывают в несколько десятков процентов. Ансоатеги и Миранда занимают в иерархии низкоранговое положение ввиду более высокой поддержки Чавеса в 2006 г., в отличие от Сулии и Мерида.

Этнокультурный фактор. Штаты распределены в порядке уменьшения отклонения от расовой композиции, присущей Венесуэле в целом. Наибольшее отклонение в пользу бланкос – у Тачиры, затем – Мерида, в Федеральном округе бланкос составляют чуть более 50%.

Транспортный фактор. Амасонас имеет более высокий риск ввиду практически полного отсутствия сухопутного сообщения с соседними штатами. Единственная авто-

дорога доходит до города Пуэрто-Аякучо, который находится на границе штата. Штат Боливар обладает дорогой, которая проходит по периферии штата, однако обеспечивает связность с соседними регионами крупных городов штата, таких как Сьюдад-Гуаяна и Сьюдад-Боливар.

Военно-стратегический фактор. Штаты ранжируются по той же схеме, как и в случае транспортного фактора. Сухопутные войска ограничены в маневренности ввиду отсутствия транспортных коммуникаций, а применение авиации менее эффективно в условиях непроходимых лесов.

Внешилополитический фактор. Тачира и Сулия имеют высокий риск ввиду высокой плотности населения и активного хозяйственного использования территории, а также из-за приграничного положения и высокой транспортной связности с соседней Колумбией. Амасонас и Боливар имеют низкие риски дезинтеграции по этому фактору ввиду отсутствия инфраструктурной связности с соседними государствами и низким освоением территории (особенно – приграничной).

Таким образом, формируется следующая картина дезинтеграции штатов Венесуэлы (рис. 2).

Уровень дезинтеграции штата Сулия определяется историческим, внутриполитическим и внешнеполитическим факторами, и, во многом, это обусловлено колоссальными запасами нефти (третье по размерам запасов в мире месторождение Боливар-Костал на озере Маракайбо). Несмотря на то, что Сулия обладает средними показателями индекса человеческого развития (это обусловлено большой численностью населения), концентрация 80% добычи и экспорта нефти в пределах одного штата может сыграть решающую роль при получении автономии. Рассматривая возможность радикальной дезинтеграции, Сулия в современных геополитических реалиях может рассчитывать на вполне успешное суверенное существование. С большей долей вероятности, именно такая возможность и является импульсом для политических противостояний и сопротивления политике Каракаса.

Еще большим количеством факторов обусловлены риски дезинтеграции штата Тачира: помимо исторического опыта дезинтеграции, внешне- и внутриполитических

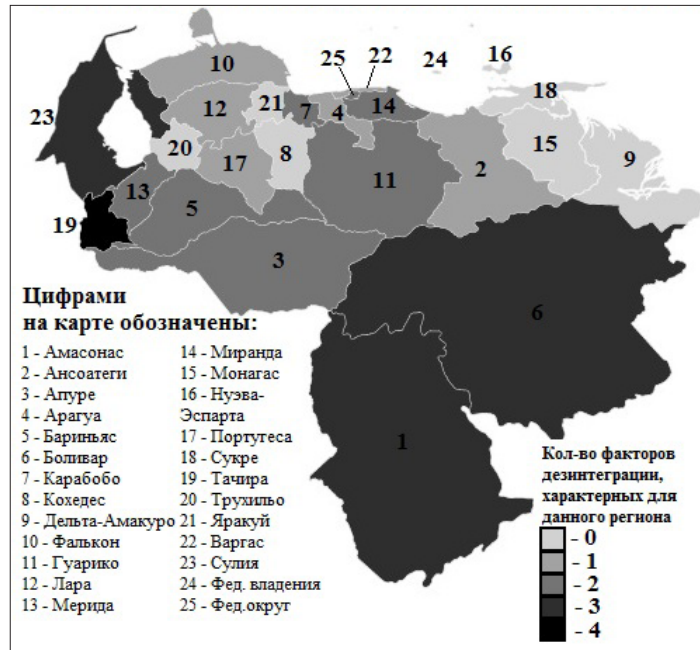

Рис. 2. Риски потенциальной дезинтеграции штатов Венесуэлы

особенностей, здесь добавляется наиболее отличающаяся от общестрановой расовая композиция венесуэльцев. В пределах штата на 15 процентных пунктов меньше метисов, и ровно на столько же больше бланкос, чем в Венесуэле в целом. Возможно, есть смысл говорить о тесной связи между расовой композицией и результатами голосований: в последних избирательных кампаниях наибольшего успеха социалистическая партия достигала в штатах с наибольшей долей метисов, а наименьших показателей – в штатах с преобладанием бланкос. Тачира, как и Сулия, не является лидером по социально-экономическому развитию, однако обладает более диверсифицированным хозяйством и относительно высокой плотностью населения (что является, пожалуй, исключением из общей картины расселения в Венесуэле), поэтому сюжет «небольшого нефтяного государства» здесь не актуален. Гораздо важнее тесная связь с Колумбией и активное перемещение товаров, услуг, рабочей силы и капитала между Тачирой и пограничным государством.

Если Сулия и Тачира обладают рисками дезинтеграции, которые в целом имеют социальный генезис (историческое развитие, расовая композиция, особенности голосо-

ваний), то в случае штатов Амасонас и Боливар на передовые позиции выдвигаются особенности освоения территории. Оба штата комбинируют одинаковый набор факторов: транспортный, военно-стратегический и внешнеполитический.

Выводы. В начале XXI в. в Венесуэле сложились повышенные риски дезинтеграции, как минимум, в 4 штатах – это Сулия, Тачира, Амасонас и Боливар. Нынешнее положение характеризуется тем, что набор факторов дезинтеграции в этих административных единицах сильно различается для западных (Сулия и Тачира) свойственно проявление исторического, внутри- и внешнеполитического, а также этнокультурного факторов, для южных (Амасонас и Боливар) – транспортного, военно-стратегического и внешнеполитического факторов. Стратегии преодоления дезинтеграции в двух группах штатов будут разными: в первом случае руководству страны придется проявить политическую волю, затратить значительные ресурсы для урегулирования ситуации на западе страны, во втором – задуматься о более интенсивном включении больших по площади, но слабо используемых территорий южных периферийных штатов.

Меньшие риски дезинтеграции имеют штаты, проявляющие дезинтеграцию по двум факторам: это Карабобо (социально-экономический и исторический), Миранда (социально-экономический и внутривластный), Мерида (внутривластный и этнокультурный), а также Федеральный округ (социально-экономический и этнокультурный). Несмотря на это, в условиях политической и экономической нестабильности Венесуэлы, этого может быть достаточно для

усиления разрушения связности перечисленных штатов с другими регионами.

Риски дезинтеграции гораздо слабее проявляются в беднейших штатах, заселенных преимущественно венесуэльцами смешанного происхождения, такие как Гуариико, Апуре, Португеса. Однако, учитывая широкую поддержку политики Мадуро, данные штаты все сильнее отдаляются от регионов, которые ведут политическую борьбу с действующим руководством страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альперович М.С., Слэзкин Л.Ю. История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX века). Учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1991. 286 с.
2. Бакланов П.Я. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 12–19.
3. Бедакова М.С., Располчинова И.Л. Теоретико-методические аспекты интеграционных и дезинтеграционных процессов в промышленной сфере // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 3. С. 188–195.
4. Бровка Н.А. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в развитии современной экономики // Вестник КРСУ. 2011. Т. 11. № 2. С. 115–120.
5. Гаммаев Т.Г. Этнополитический сепаратизм как угроза национальной безопасности России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2. С. 153–160.
6. Горячко М.Д. Неоднородность территориальной структуры как индикатор интеграционно-дезинтеграционных процессов (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) // Региональные исследования. 2006. № 3. С. 16–27.
7. Дубовик В.О. Транспортная сеть стран Южной Америки // Латинская Америка. 2015. № 4. С. 48–62.
8. Заяц Д.В. Территориальные конфликты на современной политической карте мира (очаги и риски сепаратизма): дисс. ... канд. геогр. наук / МПГУ. М., 1999. 222 с.
9. Каледин В.Н., Каледин Н.В. Пространственно-временная динамика интеграционно-дезинтеграционных процессов в Евразии // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-дезинтеграционных процессах: мат-лы междунар. науч. конф. (Пермь, 26 сент. – 1 окт. 2017 г.). Пермь, 2017. С. 39–43.
10. Котовская М.Г., Шалыгина Н.В. Гендерные проблемы в странах Латинской Америки // Латинская Америка. 2005. № 4. С. 57–71.
11. Кустарев А. Неудавшиеся государства // Космополис. 2004. № 2. С. 17–36.
12. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 672 с.
13. Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 31–46.
14. XIV Censo Nacional de Población y Vivienda. Resultados Total Nacional de la República Bolivariana de Venezuela. 2014. 30 p.
15. Consejo Nacional Electoral. URL: http://www.cne.gov.ve/web/normativa_electoral/elecciones/2018/concejales/documentos/cargos_elegir/Cargos_Vs_Circuns_31-12-2018_Concejales.pdf (дата обращения: 24.11.2019).
16. Fragile States Index Annual Report 2019. URL: <https://fragilestatesindex.org> (дата обращения: 24.11.2019).
17. Global Data Lab – Subnational HDI. URL: <https://globaldatalab.org/shdi/shdi/VEN> (дата обращения: 24.11.2019).
18. Los grandes negocios de China en Venezuela. URL: <https://primerinforme.com/index.php/2019/08/19/los-grandes-negocios-de-china-en-venezuela-i/> (дата обращения: 24.11.2019).
19. Mayorca J. Venezuela: los grupos guerrilleros y paramilitares como actores de la delincuencia organizada. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/caracas/08792.pdf> (дата обращения: 24.11.2019).
20. People's World. URL: <https://www.peoplesworld.org/article/colombian-paramilitaries-serve-chavez-opposition> (дата обращения: 24.11.2019).
21. The Hands off Venezuela. URL: <http://www.trinicenter.com/venezuela/021109.html> (дата обращения: 24.11.2019).
22. Trinicenter.com. URL: <http://www.trinicenter.com/venezuela/021109.html> (дата обращения: 24.11.2019).

Статья поступила в редакцию 18 октября 2019 г.

Статья принята к публикации 26 декабря 2019 г.

Об авторе

Скачков Владислав Сергеевич – аспирант кафедры географии мирового хозяйства МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Скачков В.С. Оценка рисков дезинтеграции регионов Венесуэлы // Региональные исследования. 2019. № 4. С. 85–97.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-4-7

Disintegration risk assessment for states of Venezuela

V. S. Skachkov

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia
e-mail: cccp271994@mail.ru

The article attempts to assess the risks of spatial disintegration of regions using the example of Venezuela. The author proposes his expert assessment of the role and mechanism of each factor of disintegration. The author explores the following factors facilitating disintegration: historical (a history of regional disintegration), socioeconomic (territorial disparities in human development indicators), domestic-political (the electoral geography of the state), ethnocultural (differences in the racial composition of the population by states), transport (the level of transport connectivity of the state with neighbouring states), military-strategic (the deployment of large military units) and foreign policy (the influence of the neighbouring states on border territories). It has been established that the four states of Venezuela (Amazonas, Bolivar, Zulia and Tachira) are characterized by a high risk of disintegration due to a combination of several factors, which are closely related to each other. The author concludes that the disintegration in the west of the country, in the states of Zulia and Tachira, is fundamentally different from the disintegration of the states of Amazonas and Bolivar, both in terms of factors leading to the disintegration and their manifestation.

Keywords: spatial disintegration, Venezuela, crisis, secession, political instability, Latin America.

REFERENCES

1. Al'perovich M.S., Slezkin L.Yu. *Istoriya Latinskoj Ameriki (s drevneishikh vremen do nachala XX veka)* [History of Latin America (from ancient times to the beginning of the twentieth century)]. Moscow, 1991. 286 p. (In Russ.).
2. Baklanov P.Ya. Integration and disintegration processes in the Russian Far East. *Regional'nye issledovaniya*, 2002, no. 1, pp. 12–19. (In Russ.).
3. Bedakova M.S., Rastopchinova I.L. Theoretical and methodological aspects of integration and disintegration processes in the industrial sphere. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2015, no. 3, pp. 188–195. (In Russ.).
4. Brovko N.A. Integration and disintegration processes in the development of the modern economy. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta*, 2011, vol. 11. no. 2, pp. 115–120. (In Russ.).
5. Gammaev T.G. Ethno-political Separatism as a Threat to Russia's National Security. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*, 2013, no. 2, pp. 153–160. (In Russ.).
6. Goryachko M.D. The heterogeneity of the territorial structure as an indicator of integration and disintegration processes (for example, the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug). *Regional'nye issledovaniya*, 2006, no. 3, pp. 16–27. (In Russ.).
7. Dubovik V.O. South America Transport Network. *Latinskaya Amerika*, 2015, no. 4, pp. 48–62. (In Russ.).
8. Zayats D.V. *Territorial'nye konflikty na sovremennoi politicheskoi karte mira: ochagi i riski separatizma* [Territorial conflicts on the modern political map of the world: hotbeds and risks of separatism]. PhD. Moscow, 1999. 222 p. (In Russ.).
9. Kaledin V.N., Kaledin N.V. Spatio-temporal dynamics of integration-disintegration processes in Eurasia. In: *Rossiya i ee regiony v polimasshtabnykh integratsionno-dezintegratsionnykh protsessakh: mater. mezhdunar. nauch. konf. (Perm, 26 sent. – 1 okt. 2017 g.)* [Russia and its regions in multiscale integration and disintegration processes: Mater. Int. scientific conf. Perm, 2017.]. Perm, 2017, pp. 39–43. (In Russ.).
10. Kotovskaya M.G., Shalygina N.V. Gender Issues in Latin America. *Latinskaya Amerika*, 2005, no. 4, pp. 57–71. (In Russ.).
11. Kustarev A. Failed states. *Kosmopolis*, 2004, no. 2, pp. 17–36. (In Russ.).
12. Popov F.A., *Geografiya setsessionizma v sovremennom mire* [The geography of secessionism in the modern world]. Moscow, 2012. 672 p. (In Russ.).
13. Sebentsov A.B., Kolosov V.A. Phenomenon of uncontrolled territories in modern world. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2012, no. 2, pp. 31–46. (In Russ.).

14. XIV Censo Nacional de Población y Vivienda. Resultados Total Nacional de la República Bolivariana de Venezuela. 2014. 30 p.
15. Consejo Nacional Electoral. URL: http://www.cne.gob.ve/web/normativa_electoral/elecciones/2018/concejales/documentos/cargos_elegir/Cargos_Vs_Circuns_31-12-2018_Concejales.pdf [Accessed 24.11.2019].
16. Fragile States Index Annual Report 2019. URL: <https://fragilestatesindex.org/> [Accessed 24.11.2019].
17. Global Data Lab – Subnational HDI. URL: <https://globaldatalab.org/shdi/shdi/VEN/> [Accessed 24.11.2019].
18. Los grandes negocios de China en Venezuela. URL: <https://primerinforme.com/index.php/2019/08/19/los-grandes-negocios-de-china-en-venezuela-i/> [Accessed 24.11.2019].
19. Mayorca J. Venezuela: los grupos guerrilleros y paramilitares como actores de la delincuencia organizadas. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/caracas/08792.pdf> [Accessed 24.11.2019].
20. People's World. Available at: <https://www.peoplesworld.org/article/colombian-paramilitaries-serve-chavez-opposition/> [Accessed 24.11.2019].
21. The hands off Venezuela. URL: <http://www.trinicenter.com/venezuela/021109.html> [Accessed 24.11.2019].
22. Trinicenter.com URL: <http://www.trinicenter.com/venezuela/021109.html> [Accessed 24.11.2019].

Received 18.10.2019

Accepted 26.12.2019